

МАГИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ

**ЭЛИТНОЕ ФЭНТЕЗИ
АННЫ ОДУВАЛОВОЙ**

Элита Горскейра.
Моя сводная ведьма

Элита Горскейра.
Мой сводный некромант

Элита Горскейра.
Проклятый дар

Элита Горскейра.
Невыносимый дар

Элита Горскейра.
Дар богов

Элита Горскейра.
Кара Господня

Элита Горскейра.
Притворюсь твоей сестрой

АННА ОДУВАЛОВА

ПРИТВОРЮСЬ
ТВОЕЙ
СЕСТРОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-44

Иллюстрация на переплете ZAPilim

Одувалова, Анна Сергеевна.

О-44 Элита Горскейра. Притворюсь твоей сестрой / Анна Одувалова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-229393-1

Пять лет назад одна из самых влиятельных семей элиты Горскейра потеряла дочь.

А сегодня я с фурором заявила на собственный день памяти, чтобы найти виновника той трагедии. Под подозрением каждый. Нельзя верить ни слезам радости, ни скорби во взглядах.

Особенно тому, кого я называю братом. Ведь он смотрит на меня и не верит, что его сестра выжила.

И правильно делает.

Ведь я — не та, за кого себя выдаю. Но я пришла найти виновного. И эта погрязшая в пороках семья заплатит за предательство сполна.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229393-1

© Одувалова А.С., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Пролог

Сад передо мной — словно иллюстрация в модном журнале. Торжество на свежем воздухе — новый тренд сезона в Горскейре. В воздухе летают мерцающие серебряные бабочки — символ надежды, везде воздушные шары. На главном столе громоздится башня из роз — нежно-розовые бутоны с бирюзовыми прожилками, перехваченные бархатными лентами угольного оттенка.

Тринадцать портретов в рамках из черного хрусталя выстроились вдоль тропинки. На всех — взрослеющая светловолосая девочка: от младенца до подросткового возраста. Последняя фотография датирована пятью годами ранее. Следующие пять рам — пустые.

Праздник с траурными нотками, и я знаю почему.

Стою в тени деревьев в стороне от гостей и жду своего выхода. Волнуюсь, словно артистка перед ответственной ролью. Знаю, мое появление произведет фурор.

— ...верим, что пять лет назад с Зои не случилось ничего непоправимого. Она пропала, но однажды моя дочь вернется. И этот вечер памяти, когда моей девочке исполняется восемнадцать, должен показать, как мы ее ждем... — со слезами в хорошо поставленном голосе продолжает говорить высокая ухоженная женщина с небольшой сцены.

Она даже не подозревает, что до момента, когда исполнятся ее мечты, остается буквально... три... два... один...

Вот он, момент. Поправляю простенькое, немного детское розовое платье и делаю шаг вперед, на освещенный пятачок газона между двумя плотными рядами стульев, приготовленных для гостей. Полагаю, после трогательной речи планировался концерт. Благотворительный, конечно же. Ведь именно так принято у элиты Горскейра.

— Я вернулась, мамочка.

Слово «мамочка» звенит в воздухе, заглушая гул голосов. Буквально за секунду воцаряется звенящая тишина. Все взгляды на празднично украшенной поляне перед домом обращены на меня. Красивый высокий парень с такими же темно-каштановыми волосами, как у женщины на сцене, роняет из рук бокал. Осколки разлетаются по коротко стриженному газону. Пятна вина смотрятся как кровь.

Старуха в парчовом платье хватается за жемчужное кольцо, словно оно начало ее душить. Мужчина лет сорока, не выпуская ее локтя, произвольно выпрямляется. У него такие же, как у меня, прозрачно-голубые глаза и светлые волосы. Правда, уже слегка подернутые сединой. Впрочем, этого практически незаметно.

— Зои... — мамин шепот звучит тихо и хрипло, словно ей внезапно перестало хватать воздуха. Ее каблуки вязнут в газоне, словно в болотной тине, когда она бросается мне навстречу, игнорируя выложенную плиткой широкую тропинку. Длинные жемчужные серьги дрожат, отражая блики софитов, свет от которых падает прямо на меня, поэтому кажется, будто мое розовое платье и светлые локоны сияют.

Я позволяю тишине затянуться. Пусть рассматривают, вспоминают и узнают знакомые, но изменившиеся с возрастом черты лица. Меня не видели очень давно. Из нескладного подростка я успела превратиться во взрослую девушку.

Мама осторожно подходит ближе. Ее губы дрожат, а в глазах слезы. Она смотрит на меня с недоверием и надеждой. Да. Осознать сложно. К тому же за эти несколько лет она изменилась значительно меньше, чем я. И никто из присутствующих даже не представляет, как мало во мне осталось от Зои, которая исчезла пять лет назад.

Глава 1

ЭЛАЙ

Холл в родовом гнезде рода ле Аэтернов хорошо освещен. Не только магическими светильниками, но и свечами, которые зажжены у импровизированного алтаря возле дальней стены, где висит портрет Зои. Ее глаза, слишком большие для кукольного лица, будто следят за каждым моим шагом.

Я поправляю воротник рубашки, стараясь не смотреть в ту сторону. Мать застыла в дверном проеме, ее черное платье с воротником-стойкой сливается с тенью, будто у нее нет тела, только бледное лицо и худые руки, на которых сверкают бриллианты. Папа и бабушка уже вышли, дед и родня давно с гостями, и только непутевый сын ле Аэтернов задерживает торжественный момент.

— Элай, застегни верхнюю пуговицу, — просит мама и поджимает губы. — Твой вид не соответствует мероприятию.

Не спорю. Это бесполезно и отнимает слишком много сил. Поднимаю воротник выше и по-

слушно застегиваю сразу все пуговицы своей черной шелковой рубашки, становясь похожим на ученика семинарии.

— Может, хватит этого цирка? — бросаю через плечо, но пальцы все равно дрожат, раскатывая рукава и застегивая манжеты. Голос звучит хрипло, будто я не разговаривал сутки.

— Это не цирк! — мама, гневно сверкая глазами, подходит ближе. Ее духи «Черная орхидея» смешиваются с запахом моего дезодоранта. — Вечер памяти твоей сестры...

Это не первый наш разговор на эту тему, но все бесполезно. В этом доме культ моей младшей, пропавшей без вести сестры. Иногда мне кажется, что родители словно извиняются перед ней за то, что не смогли найти.

— Мама, она пропала, а не умерла! — привычно огрызаюсь. — Может, стоит искать лучше?!

— Элай... — мать подходит ближе и тянется ко мне, вставая на цыпочки, чтобы погладить по щеке. Ее ладонь холодная и сухая. — Ты все еще ребенок. Ее искали лучше... Пять лет... Мы должны признать очевидное.

— Не вижу готовности, — перебиваю, указывая на окно, выходящее в сад. За ним мелькают розовые шары. Ленты цвета запекшейся крови вьются по кустам, будто душат сад. — Все это похоже на нездоровое поведение человека,

заиклившегося на том, что пора уже пережить.

Тень пробегает по ее лицу. Мать отодвигает прядь моих волос, которые она ненавидит — слишком длинные, слишком неряшливые. Неидеальные. Я вообще не идеальный. Не такой, какой была Зои.

— А ты пережил? — спрашивает она, и я чувствую, как сжимается желудок.

— Нет, — выдыхаю так, словно меня ударили под дых. Беда нашей семьи в том, что мы не пережили. Никто. — И эти ваши спектакли только добивают. Пошли уже, а то гости ждут. Твое представление, как всегда, должно пройти безупречно. Не так ли?

Поворачиваюсь к двери, за которой — около сотни гостей. Самый близкий круг. Подруги матери по благотворительному фонду, друзья отца, деловые партнеры деда. Элита Горскейра, с которой принято дружить.

И ничего настоящего.

Вслед за матерью выхожу в сад, где воздух пропитан запахом увядающих лилий и металлическим привкусом дождевой воды. На импровизированной сцене с черным сукном, как на похоронах, замерли отец в идеально отглаженном черном костюме и бабушка в платье цвета воронова крыла. Последние пять лет черный стал нашим вторым

фамильным гербом — он в шторах, в лентах на дверях... даже в глазах гостей, которые давно перестали задавать вопросы.

Дед не поднялся. Он единственный здраво-мыслящий человек в этой свихнувшейся семейке. И единственный, кто не забыл про дела. Нахожу его в толпе. Всегда собранный и строгий. Остальная семейка тоже тут. Кто бы сомневался?

Мамина сестра Марго, опьяневшая до состояния тряпичной куклы, виснет на рукаве какого-то дипломата с орденом на лацкане. Ее черное платье сползает с плеча. Снова получит выговор от деда, но ей давно наплевать. Мой двоюродный брат — слизняк Джоник — тем временем крутит вокруг пальца прядь волос девушки в розовом — слишком ярком для нашего траурного карнавала. Она смеется громче, чем положено, и я ловлю возмущенный взгляд мамы. Джонику влетит от нее. Его отец ведет себя приличнее. Он сегодня с новой пассией, поэтому трезв и строит из себя делового. Трется рядом с младшим братом отца.

Дядя Эрик у стойки с шампанским обсуждает что-то, активно жестикулируя. Его жена и дочь стоят поодаль в женском круге и развлекают жен дипломатов. Все при деле.

Мать берет микрофон, ее ноготь шелкает по металлу. Звук эхом разносится по саду.

Снова прочувствованная речь. Год за годом. Верим. Не забудем. Вернется.

Раздраженно беру с подноса бокал игристого. Бабушка неодобрительно поджимает губы. В ее взгляде читается: «А вот Зои... Зои была ангелом». Такой и осталась в их воспоминаниях. Только вот никто не знает, как бы ее изменили эти пять лет в роскоши и вседозволенности. Я тоже когда-то, говорят, был милым ребенком.

Углубившись в мысли, теряю нить разговора и не сразу понимаю, что вокруг повисла звенящая тишина.

— Я вернулась, мамочка...

От неожиданности бокал летит из рук, а я вскидываю глаза. На освещенном пяточке газона перед сценой в свете софитов стоит она. Девушка в розовом платье с кружевным воротничком. Светлые волосы до талии, синие глаза, ямочки на щеках, точь-в-точь как у Зои. Даже родинка над губой на месте. Она стоит, слегка наклонив голову, будто ждет аплодисментов.

— Зои... — мать делает шаг вперед, и микрофон падает на сцену с глухим стуком.

Тишина. Даже фонтан замолкает. Девушка смотрит прямо на меня, и ее губы дрожат.

— Привет, Элай.

Голос — ее голос. Тембр, интонации, все. Но что-то не так. Может, слишком уверенный взгляд?

Или то, как она сжимает край платья, будто боится, что его сорвет ветром?

Мать обнимает ее, а я отшатываюсь назад, наступая на ногу какому-то старику в смокинге. Он ворчит, но я не слышу.

— Зои... — севшим голосом повторяет мама, а я смотрю на пигалицу в нелепом детском платье и понимаю, что не верю. Представления не имею, кто эта кукла, так похожая на мою сестру, но я не верю, что это Зои. И обязательно выведу ее на чистую воду!

ЗОИ

Я не думала, что все будет так сложно. Нет, подозревала, что нелегко, но мое появление на собственном дне рождения имеет эффект взорвавшейся бомбы. Естественно, праздник идет коту под хвост. Вместо торта и розовых шаров — визит магстражей и целителей. От суеты болит голова и не хватает воздуха, но держусь.

В воздухе — запах зелий, и чтобы его выветрить, в кабинете открыли окно. В саду до сих пор праздничное освещение и до сих пор болтаются полуспущенные шары с надписью «18». Трехъярусный торт возвышается на столе, и дети, которые до сих пор бегают по опустевшему саду,

ковыряют его бок ложками. Я очень хочу к ним присоединиться, потому что ела, кажется, вчера.

Целители приехали к бабушке. Ей все же стало плохо. Но сейчас уже полегчало и ее отправили отдыхать наверх. Папа и дед общаются с магстражами, со мной мама и еще один служитель закона.

— Ты понимаешь, что она врет? — говорит Элай, не стесняясь ни магстражей, ни матери.

— Это Зои! Я узнаю ее родинку, я...

— Родинку можно подделать, — перебивает Элай. Он прислонился к дверному косяку, скрестив руки. Его черная рубашка смята, а взгляд бьет наотмашь.

— Пожалуйста... — Мама заламывает руки. — Иди к себе, нам всем сейчас нелегко! Неужели ты не узнаешь сестру?

— Мам, тебе ли не знать, как далеко шагнула бьютимагия! Ты тоже можешь завтра себе сделать лицо Зои... если захочешь!

Сказав это, Элай уходит. На меня он даже не смотрит. Магстраж с холодными глазами, похожий на молодого профессора из тех, которые пугают первокурсников, спрашивает в сотый раз:

— Повторите, где вы были все эти годы?

— Не... не помню... — Мой голос срывается, а головная боль усиливается. — Я очнулась перед воротами дома...

— А до этого? — Он с подозрением прищури-
вается.

Качаю головой:

— Не помню.

Виски тру на автомате, просто это хотя бы
чуть-чуть помогает унять боль.

— Да хватит уже! — мама хватается его за
локоть, но он отстраняется, как от назойливой
мухи.

Мне разрешают уйти, только когда я начинаю
трястись так, что зубы стучат. Холл встречает
тишиной: черно-белая плитка, портреты пред-
ков в золоченых рамах и зеркало во всю стену,
где мое отражение кажется чужим. Розовое пла-
тье висит мешком, волосы спутаны, и сил почти
не осталось. Стою возле лестницы, чувствуя, как
кружится голова. Мне срочно нужно прилечь, но
я представления не имею, где можно располо-
житься.

Куда идти? Спальня родителей? Моя старая
комната, превращенная в музейный экспонат? Из
гостиной доносится смех Элая — сухой, ядови-
тый. Он точно не поверил. Ни на секунду.

— Зои! — мама подбегает так быстро, что
подол ее шелкового платья запутывается в ногах.
Ее духи — все те же, с нотками груши, орхидеи
и лаванды — на мгновение перебивают запах ды-
ма от погасших свечей. — Доченька! — Ладони